

Елена Ковтун (Москва, Россия)

**«ПОНЯТЬ ДРУГ ДРУГА...»: ПРОБЛЕМА КОНТАКТА
С ИНОПЛАНЕТНЫМ РАЗУМОМ
В ТВОРЧЕСТВЕ СТАНИСЛАВА ЛЕМА**

Станислав Лем (1921–2006 гг.) оказался современником очень разных исторических и литературных эпох. «Мне довелось жить в совершенно различных общественных системах, – писал он. – Я уяснил себе огромные различия между ними... бедная, но независимая... довоенная Польша, Pax Sovietica 1939–1941 годов, немецкая оккупация, вторичный приход Красной Армии, послевоенные годы уже в совершенно иной Польше» [1]. Лем застал и пересмотр границ в Восточной Европе, и идеологическую суровость 1950-х гг., и оттепель 1960-х, и попытки «очеловечить», а затем и отменить ортодоксальную социалистическую доктрину. Наконец, поздний период творчества польского фантаста (в основном уже не художественного, а научного и публицистического) пришелся на демократические 1990-е гг. с их попытками осмыслить пережитое человечеством в XX столетии.

Все это позволяет рассматривать Лема – несмотря на «вечные» и общечеловеческие проблемы, к которым он так охотно обращался в своих книгах, и картины будущего, которые он так ярко рисовал, – еще и как своеобразного летописца эпохи. Летописца не в смысле бытописания (хотя в числе произведений Лема есть психологический роман «Больница Преображения», повесть-воспоминание «Высокий Замок», трилогия «Неутраченное время»), но в плане чуткого восприятия и воплощения в собственных текстах размышлений и мечтаний, надежд и страхов своих современников. Незаурядный талант польского писателя позволил ему уловить и выразить, пусть и в фантастической форме, главные тенденции развития общества и культуры второй половины XX в.

Для нас же в этом процессе наиболее важно то, что творчество Лема наглядно демонстрирует основные этапы эволюции, достижения и неудачи восточноевропейской фантастической прозы: восторженный оптимизм в 1950-е г., смелый полет мысли 1960-х г., сомнения и метания 1970–1980-х, утрату веры в технический и социальный прогресс в 1990-е гг. и т. п. В произведениях Лема от-

четливо выражен интерес послевоенной научной фантастики к космосу, устройству вселенной, перспективам НТР. Затем они фиксируют отход от строгой научной проблематики в сферу социального и философского моделирования, усиление метафоричности фантастической посылки. В последний период творчества Лем нередко возвращался к темам и идеям, волновавшим его ранее, и знакомил читателя с их новой, более сложной и менее оптимистической трактовкой, отражающей изменившиеся представления писателя о путях «взрос-ле-ния» человечества.

Сам Лем в автобиографическом эссе «Моя жизнь» высказался о собственной философской и художественной эволюции так: «Говоря коротко, я разочарованный усовершенствователь мира. Мои первые романы были наивными утопиями, так как мне хотелось видеть будущее таким умиротворенным, каким оно изображено в этих романах... Моя монография о фантастике и футурологии была следствием разочарования в беллетристической, а также в выдававшей себя за научную литературе, ибо и та и другая направляли внимание читателя не туда, куда действительно движется этот мир. Моя «Философия случайности» – это неудавшаяся попытка сформулировать основанную на эмпирических методах теорию литературы... Однако моя «Сумма технологии» свидетельствует о том, что я, правда, разочаровавшийся, но все же не отчаявшийся окончательно усовершенствователь мира. Ибо я не оцениваю человечество как «совершенно безнадежный и неизлечимый случай» [2].

Проследим изменение взглядов Лема (характерное, на наш взгляд, и для многих других советских и восточноевропейских авторов) на одну из наиболее важных проблем научной фантастики XIX–XX в. – проблему контакта цивилизаций.

Начнем с ранней утопии польского фантаста «Магелланово облако» (журнальная публикация 1953–1954 гг., книжная 1955). В этом романе огромный космический корабль землян с символическим названием «Гея» отправляется к созвездию Центавра, где в окрестностях одной из звезд находит разумную жизнь. В финале романа общается об установлении контакта с обитателями «белой планеты», по всей видимости, если не физически, то духовно близкими жителям земли. В контексте фантастической прозы той поры (ср., например, «Туманность Андромеды», а затем «Сердце Змеи» И. А. Ефре-

мова) читатель мог легко дорисовать в воображении последующие события: укрепление дружественных отношений между землянами и их «братьями по разуму», совместное освоение космоса вплоть до образования галактического союза цивилизаций и т. п. Однако даже в ранних утопиях Лема все обстоит не так просто.

Симптоматично, что вовсе не беспрецедентный факт контакта оказывается в центре повествования. О том, что связь с обитателями «белой планеты» налажена, герой узнает почти случайно, в одиночестве слушая радио на расположенной на астероиде станции. Лема интересуется прежде всего сам полет «Геи» и жизнь на борту корабля. «Магелланово облако» – роман о человечестве, в ходе длительной эволюции обретшем способность и мужество преодолеть космическое пространство. «Я расскажу о том, – заявляет на первых страницах герой, – как мелькавшие недели, месяцы, годы стирали в памяти самые дорогие, самые сокровенные воспоминания – бессильные перед всепоглощающей чернотой. Как в попытках найти точку опоры мы отчаянно хватались за все новые и новые дела и мысли, как рушились и уходили в небытие представления, в свете которых на Земле наша экспедиция казалась безусловно оправданной и необходимой; как в поисках ее высшего смысла мы обращались к минувшим эпохам и лишь осознав, какой тернистый путь пройден человечеством, обрели себя, а наше время – настоящее, отделяющее бездонное прошлое от неведомого будущего, – исполнилось при этом такой мощи, что мы сумели выстоять и в победах, и в поражениях» [3]. Композиция раскрывает авторский замысел: показать, что возмужавшее человечество Земли в конце концов оказалось достойным «вселенского братства».

Вновь к теме контакта С. Лем обратился в своем, пожалуй, наиболее известном романе «Солярис» (1961). Проблема достижения взаимопонимания между разумными существами обрела в нем неожиданный ракурс. Партнером человечества стал единственный «житель» чужой планеты – Океан, студенистое органическое образование весом 17 миллиардов тонн. Но не только оригинальная гипотеза обеспечила роману неувядающую славу – мировая фантастика знала гораздо более своеобразных инопланетян. Мощный резонанс вызвало постулирование автором значительных трудностей при достижении взаимопонимания между людьми и иными формами жизни во Вселенной. «Чем дальше углублялся я в объемистый том, тем больше

математики было на мелованных страницах, – сетует герой романа, изучая историю исследований Океана, – казалось, мы абсолютно все знаем об этом представителе класса метаморфных, который лежал во тьме четырехчасовой ночи в нескольких сотнях метров от стального днища Станции. В действительности не все еще пришли к единому мнению, «существо» ли это, а тем более – можно ли Океан назвать разумным... По сравнению с теми дебрями, в которых завел ученых вопрос контакта, даже средневековая схоластика казалась ясным, доступным, не вызывающим трудности академическим курсом» [4].

Пытаясь найти понимание, партнеры по контакту лишь причиняют друг другу бессмысленные муки: люди выжигают поверхность планеты жестким излучением, Океан воссоздает «во плоти» скрытые в памяти героев (и порой ненавистные им) образы. Смысл романа может быть понят так: человек еще слишком мало знает о себе и властен над собой, чтобы претендовать на вмешательство в судьбы Вселенной. Океан становится символом Неизведанного, ждущего землян в космических просторах. Узнав о его существовании, человек теряет покой. «Какое-то время я стану заставлять себя улыбаться, кланяться, вставать, производить тысячу мелких действий, из которых складывается земная жизнь, пока не привыкну, – так видится герою возвращение домой. – Появятся новые увлечения, новые занятия, но ничто уже не захватит меня целиком. Никто и ничто» (174).

Итак, С. Лем подверг сомнению один из базовых постулатов рациональной фантастики конца XIX – первой половины XX в. До сих пор, от Ж. Верна и Г. Уэллса до М. Лейнстера и И. Ефремова, она имела дело преимущественно с двумя типами разумных инопланетян. Независимо от внешнего вида и физиологических особенностей они могли быть либо враждебны, либо дружески расположены к человечеству – но в каждом случае более или менее психологически адекватны (или хотя бы в основных чертах понятны) людям. С. Лем обосновал третий вариант контакта: беспомощные и жестокие попытки постичь тайны инопланетной ментальности – может быть, непостижимые вообще.

Насколько содержательной и привлекательной как для писателей-фантастов, так и для поклонников фантастической литературы оказалась данная концепция, свидетельствует обращение к ней и братьев Стругацких в одном из лучших своих романов «Пик-

ник на обочине» (1972). Не только намерения, но и облик посетивших Землю пришельцев – равно как и сами обстоятельства посещения – остаются в этом романе для человечества загадкой. «Читатель вовлечен в интеллектуальную, эмоциональную и моральную одиссею главных героев, каждый из которых натывается на непреодолимый барьер познания непознаваемого, нахождения имени тому, что за пределами всех языковых систем» [5].

Есть в «Солярисе» и иная содержательная перекличка с «Магеллановым облаком». Если в раннем романе С. Лема люди обогащали иные планеты высокими идеалами гуманизма, то в более позднем могли явить Вселенной лишь свои сомнения и страхи. «В тайниках своей души, в недрах подсознания люди несут много темного, страшного, разрушительного, и «оживление» этих начал приводит к трагедии. Вот почему так остро, так пронзительно звучит одна из главных мыслей романа о том, как важно, ЧТО принесет с собой человек в космос. Человек, напоминая нам Лем, стоит прежде всего перед задачей самопознания, самосовершенствования, а уже потом – постижения других миров» [6].

И все же «Солярис» трудно назвать «романом отчаяния». Разочарование смягчает психологически достоверная лирическая история взаимоотношений героя с возлюбленной (редкий случай, когда рациональная фантастика убедительно говорит о любви), некогда умершей, но воссозданной Океаном. Да и на последних страницах, пусть приглушенно, звучит оптимистическая нота. «Я ни на одну секунду не верил, что жидкий гигант, который уготовил в себе смерть сотням людей, к которому десятки лет вся моя раса безуспешно пыталась протянуть хотя бы ниточку понимания... будет взволнован трагедией двух людей. Но его действия преследовали какую-то цель. Правда, даже в этом я не был абсолютно уверен. Но уйти – значит зачеркнуть ту, пусть ничтожную, пусть существующую лишь в воображении возможность, которую несет в себе будущее... Надежды не было. Но во мне жило ожидание – последнее, что мне осталось... Я ничего не знал, но по-прежнему верил, что еще не кончилось время жестоких чудес» (182).

Этой ноты нет в последнем крупном художественном произведении польского фантаста – романе «Фиаско» (1986). Его сюжет вновь определила проблема контакта. При внимательном чтении нельзя не

заметить сходства (намеренного, вплоть до деталей) содержания и структуры «Фиаско» с «Магеллановым облаком» – при прямо противоположной, однако, оценке автором происходящих событий.

Вновь к чужой планете (на этот раз в созвездии Гарпии) летит земной звездолет (в данном случае «Эвридика», но мифологические параллели с «Геей» налицо) в надежде обрести братьев по разуму в обитателях планеты Квинта. И в этом романе есть описание жизни землян – косвенное при упоминаниях о подготовке экспедиции и прямое при изложении событий, происходящих на борту космического корабля. Но коммунизму «Магелланова облака» на этот раз противопоставлен сложный многополярный мир Земли, основанный, насколько можно судить по контексту, на частной собственности, рыночной экономике, политическом и культурном сотрудничестве государств с различной общественной структурой.

Многие эпизоды «Фиаско» являются зеркальным отображением соответствующих глав ранней утопии С. Лема. Так, в «Магеллановом облаке» при подлете к чужой планете герои обнаруживают земной искусственный спутник, много веков назад изготовленный в военных целях и погибший от метеорита (симптоматично для времени создания романа американское происхождение находки). После катастрофы и долгих скитаний в космосе он попал в сферу притяжения Проксимы Центавра. Разведчики с «Геи» принимают решение уничтожить находку, мотивируя свой поступок так: «Не надо, чтобы еще кто-нибудь мог видеть то, что увидели мы» (282). Смысл эпизода – показать коренные различия морали современников автора и их далеких потомков.

Изменения авторских воззрений за время, прошедшее между созданием двух романов, ощутимо даже в мелочах. Так, в «Магеллановом облаке» на погибшем спутнике герой обнаруживает часовню: «Это была пустая большая комната. Против двери находилась высокая полукруглая ниша. В ней стоял резко выделявшийся на белом фоне черный деревянный крест». Рассказчик застаёт в часовне своего коллегу: «Петр – стройный, огромный, одетый в серебристый скафандр, со скрещенными на груди руками – смотрел на этот символ суеверия». Негативное отношение автора к религии подчеркивает контраст: богатырь-землянин далекого будущего и скорчившаяся у распятия коленапреклоненная мумия священника, «похожая на за-

мерзшую грудку земли» (283). В романе же «Фиаско» в состав земной экспедиции входит посланец Ватикана отец Араго – один из самых мудрых и уважаемых людей на борту «Эвридики».

В романе «Фиаско» в окрестностях Квинты также найден искусственный спутник, а за ним и второй – оба на этот раз инопланетные. Это тоже военные объекты, хотя их конкретное назначение и остается для землян загадкой. На этот раз эпизод интерпретируется как невозможность разобраться и в технологиях, и в психике квинтян. Ясно лишь, что на планете уже в течение нескольких столетий не прекращается война. Ситуация вновь возвращает нас к раннему роману, где в рубке спутника висела карта боевых действий с надписью «Зона коммунизма» над Евразией и «Зона свободного мира» над остальной территорией планеты.

Но наиболее интересен финал последнего художественного произведения классика польской фантастики. После установления контакта (в значительной мере навязанного инопланетянам экипажем звездолета) первый землянин спускается на поверхность Квинты. Симптоматично, что этим героем оказывается (хотя и под иным именем) Пиркс – любимый персонаж автора, к которому он возвращался во многих произведениях, написанных в разные годы. Суть образа – блестящий интеллект в сочетании с высокой нравственностью; во всех сложных ситуациях Пиркс прежде всего прислушивается к голосу собственной совести. В этом смысле он идеальный посланец Земли к «братьям по разуму». Но даже видя своими глазами постройки и коммуникации квинтян, герой оказывается не в состоянии «угадать» их самих – в буквальном смысле не замечает обитателей планеты, сильно отличающихся по своему облику, физическим характеристикам и способу мышления от людей.

Ошибка приводит к фатальным последствиям: не дождавшись сообщения посланца и решив, что он погиб, земляне обрушивают на планету всю мощь своего корабля: «Гермес открыл огонь по антенным мачтам за космодромом, навывлет пробил тучи... взорло лазерное солнце, термический удар в широком радиусе сорвал мглу и тучи с верхней части склона, покрытого, насколько мог видеть глаз, скоплениями голых беззащитных бородавок, и, когда вознесенная к небу паутиная сеть вместе с антеннами, ломающимися в пламени, упала на него, он понял, что увидел квинтян» (456).

Подобный финал в сочетании с названием романа – «Фиаско» – закрывает тему космического братства разумов в творчестве С. Лема. Квинтяне – не Океан, осмысленная деятельность которого сводилась к изменению естественной орбиты планеты Солярис да к непонятным экспериментам над психикой землян. Жителям Квинты удалось создать сложную техническую цивилизацию, окружив свою планету многослойным кольцом искусственных летательных аппаратов. И, по мнению земных ученых, у них немало общих с людьми черт (наличие двух полов, питание, в далеком прошлом – охота и даже каннибализм). Тем не менее все попытки договориться оказываются обреченными на провал. «Понятие «контакт» становилось тем более туманным, чем точнее пытались его определить. Стиргард (командир разведывательного отряда землян – Е. К.) требовал непосредственной встречи своего человека с представителями местной власти и учеными, но либо было совершенно невозможно установить единый смысл этих понятий для квинтян и людей, либо тут действовала злая воля... Номинация у людей и квинтян расходилась тем больше, чем ближе они подходили к области высоких абстракций. Такие понятия, как «власть», «нейтральность», «союзнчество», «гарантии» не удавалось однозначно установить то ли по высшей причине – коренного различия в историческом развитии, – то ли от вползающей в переговоры преднамеренности. Но и преднамеренность необязательно означала желание запугать и обмануть...» (439–440).

Итак, от оптимистических прогнозов 1950-х гг. Лем пришел к пониманию неизмеримой сложности проблемы контакта. Сложности, обусловленной как ограниченными возможностями сформировавшейся в земных условиях человеческой психики, так и неисчерпаемым многообразием форм жизни, которая может встретиться людям в космических просторах. Правда, в творчестве Лема можно встретить примеры и «удачного» расселения человечества (или иных разумных существ) во вселенной, и сотрудничества (пусть и не такого, как представлялось И. А. Ефремову) различных миров. Однако все они, как правило, относятся к иронической и сатирической линии лемовской прозы («Звездные дневники Йона Тихого», «Сказки роботов» и др.). В серьезной «ипостаси» поздний Лем пессимистичен. Можно ли считать этот пессимизм только возрастным? Едва ли. В чем же смысл последних романов польского фантаста?

Как всегда в фантастике социально-философского типа, и в «Солярисе», и в «Фиаско» за прямым смыслом событий угадывается иносказание. Человечество не сможет ни с кем договориться на просторах вселенной, пока не обретет понимания себя самого. И не столько к квинтянам, сколько к спорящим и воюющим между собой народам Земли обращены горькие строки: «напрасно стараетесь, пришельцы, ни огнем, ни ледовым обвалом не добьетесь ничего, кроме ловушек, иллюзий и камуфляжа. Пусть ваш посланец делает, что хочет... пока, обманутый ожиданием и сбитый с толку, одурев от бешенства, не начнет бить излучателем во что попало и не похоронит себя под развалинами либо выберется из-под них и улетит – не как разведчик, возвращающийся с добытыми сведениями, а как бегущий с поля боя паникер... Он узнает тем меньше, чем сильнее ударит, и не сможет даже отличить то, что откроет, от того, что уничтожит» (452).

Учитесь понимать, не разрушая – так можно интерпретировать творческое завещание С. Лема. Всегда оставайтесь людьми – и не ждите в космосе легких побед. Только лучшие представители человечества достойны встречи с неведомым во вселенной. Но и эти люди не найдут ответа на волнующие их вопросы – потому что эти вопросы прежде всего обращены к самому человечеству. Остается надеяться, что при всех перипетиях и сложностях развития современная (и будущая) фантастика Польши, России, иных зарубежных стран если и не разовьет – продолжит, усложнит, даже опровергнет – эти постулаты Лема, то по крайней мере не утратит свойственной классику польской фантастики глубины мыслей и масштаба постановки проблем.

Список использованной литературы:

1. Лем С. Собр. соч. В 10 тт. Т. 1. М., 1992. С. 14–15.
2. Лем С. Указ. соч. С. 28.
3. Лем С. Собр. соч. Т. 11, дополнительный. М., 1995. С. 7. Далее ссылки в тексте с указанием в скобках номера страницы.
4. Лем С. Собр. соч. Т. 2. М., 1992. С. 22. Далее ссылки в тексте с указанием в скобках номера страницы.
5. Каганская М., Бар-Селла З., Гомель И. Вчерашнее завтра. С. 311.
6. Приключения, фантастика, детектив: феномен беллетристики. Воронеж, 1996. С. 155.